

ЙОРН ЛИЕР **ХОРСТ**

ЙОРН ЛИЕР ХОРСТ

ГОНЧИЕ ПСЫ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.113.5-31
ББК 84(4Нор)-44
Х82

Jorn Lier Horst
JAKTHUNDENE

Серия «Место преступления»

Печатается с разрешения литературного агентства
Salomonsson Agency

Перевод с норвежского *Наталии Моруковой*

Оформление обложки *Екатерины Елькиной*

Хорст, Йорн Лиер.

Х82 Гончие псы: [роман] / Йорн Лиер Хорст ; [пер. со швед. Н. Морукова]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 352 с. — (Место преступления).

ISBN 978-5-17-098890-7

Рудольф Хаглунн, отсидевший 17 лет за повергшее в шок всю Норвегию убийство Сесилии Линде, выходит на свободу. Он немедленно заявляет, что дело было сфабриковано полицией, а главная улика — подброшена. И судя по тому, что за дело берется один из лучших адвокатов в стране, — это не пустые слова. Назревает невиданный скандал, и теперь за детективом Вильямом Вистингом, который вел то расследование и отправил Хаглунна за решетку, начинается настоящая охота. С одной стороны — жадные до сенсаций журналисты, с другой — амбициозный адвокат, с третьей — участники внутреннего полицейского расследования. Все они словно гончие псы пытаются настигнуть свою добычу.

Но Вистинг и сам из этой породы. Он, как никто другой, умеет выслеживать преступников и докапываться до истины. Но времени осталось совсем мало, ведь появился новый труп, и пропала молодая девушка. Вистинг и его дочь, журналистка Лине, уверены, что все это звенья одной цепи, которая уходит далеко в прошлое. Надо сложить воедино все фрагменты мозаики и понять, что же упустил Вильям Вистинг 17 лет назад.

УДК 821.113.5-31
ББК 84(4Нор)-44

ISBN 978-5-17-098890-7

Copyright © Jorn Lier Horst, 2012
© Морукова Н., перевод, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Потоки дождя с силой хлестали по стеклу. Вода сбегала вниз по окнам, со стропил капало на бордюры тротуаров. Мощные порывы ветра царапали стены обнаженными ветвями тополей.

Вильям Вистинг сидел за столиком и смотрел на улицу. Ветер подхватил с тротуара липкую осеннюю листву и швырнул вверх.

Под дождем стоял фургон. Переезжала молодая пара: парень и девушка выбежали к фургону с большими коробками в руках, а потом поспешили обратно к воротам во двор.

Вистингу нравился дождь. Он не знал точно, как так выходило, но дождь будто укрывал все вокруг, заставлял плечи расслабиться, а сердце биться медленнее.

Мягкие джазовые мелодии смешивались с шумом дождя. Вистинг развернулся к барной стойке. Огни множества стеариновых свечей отбрасывали трепещущие тени на стены. Сюзанне улыбнулась ему, протянула руку к полке на стене и сделала музыку тише.

Они были не одни в продолговатом помещении. За столом в конце барной стойки сидели три молодых человека. Много студентов недавно созданного филиала Выс-

Йорн Лиер Хорст

шей школы полиции* стали завсегдатаями этого уютного кафе.

Он снова повернулся к окну. В нем зеркально отражались изогнутые буквы из матового стекла: «Золотой покой. Галерея и кафе-бар».

Сюзанне давно мечтала об этом. Вистинг не знал, как долго она лелеяла эту мысль. Как-то зимним вечером она отложила книгу и сказала, что читала историю о паромщике на реке Гудзон. Всю свою жизнь он ходил между Нью-Йорком и Нью-Джерси, вперед-назад, туда-обратно. День за днем, год за годом. Но однажды он принял важное решение. Развернул лодку и взял курс полным ходом в открытое море, о котором всегда грезил. На следующий день Сюзанне купила помещение для кафе.

Она спрашивала Вистинга раньше, какая у него мечта, но он отмалчивался. Не потому, что не хотел отвечать — просто не знал. Его все устраивало. Он был полицейским и не хотел ничего менять. Работа следователя давала ему почувствовать, что он делает что-то важное и значимое.

Вистинг взял чашку кофе, придвинул к себе воскресную газету и вновь взгляделся в осенние сумерки. Обычно он сидел за столиком в глубине зала, там, где на него не обращали внимания. Но в такую погоду многие предпочли остаться дома, поэтому он мог спокойно сидеть за столиком возле окна, не опасаясь, что кто-то узнает его и заведет беседу. Со временем он привык, что его стали узнавать на улице. Это случалось все чаще после того, как он позволил убедить себя поучаствовать в телевизионном ток-шоу и рассказать об одном из дел, над которым работал.

Один из парней за столиком у барной стойки посмотрел на Вистинга, когда тот заходил, и толкнул соседей. Вистинг

---

* Всего их в Норвегии четыре, и один как раз находится в Ставерне. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Гончие псы

тоже его узнал. Парень был студентом Высшей школы полиции. В начале семестра Вистинга пригласили прочесть там лекцию об этике и морали. Молодой человек был среди сидевших в первом ряду.

Следователь подвинул к себе газету. Первая полоса была напичкана советами для худеющих, прогнозами об усилении дождя и интригами телевизионного реалити-шоу. В воскресных газетах редко печатались свежие новости. Материалы, томившиеся в редакции днями и неделями, прежде чем выйти в печать, Лине называла консервами. Его дочь работала в газете «Верденс Ганг» вот уже пять лет. Профессия журналиста соответствовала врожденному любопытству Лине и ее способности критически мыслить. Она успела потрудиться в разных отделах газеты, а сейчас работала в криминальном. Случалось, что этот отдел освещал дела, над которыми работал Вистинг. С двойной ролью отца и полицейского он справлялся неплохо. Только одно ему не нравилось в профессиональном выборе дочери: мысль о том, что работа столкнет ее с мрачной стороной жизни. Вистинг проработал в полиции тридцать один год и повидал много ужасного. Встречал разные формы жестокости, провел множество бессонных ночей. Он бы хотел избавить дочь от такого.

Вистинг пропустил страницу с авторскими колонками и комментариями и вскользь просмотрел новости. Он не рассчитывал увидеть какие-нибудь статьи Лине, так как говорил с ней перед выходными и знал, что она сейчас отдыхает.

Вистинг все больше ценил возможность обсудить настоящие дела с дочерью. Признать это было совсем нелегко, однако беседы с Лине изменили его восприятие себя как полицейского. Ее сторонний взгляд на него и людей его профессии не раз заставлял Вистинга пересмотреть свои

Йорн Лиер Хорст

несколько закосневшие представления. Делая доклад перед студентами-полицейскими, он говорил о том, как важно полиции действовать последовательно, достойно и порядочно, чтобы заслужить доверие людей и придать им уверенности. Тогда он и понял, насколько ценной стала для него точка зрения Лине. Вистинг пытался объяснить будущим коллегам, сколь важны для полицейского основополагающие ценности. Говорил о беспристрастности и объективности, честности и открытости, о постоянном поиске истины.

Когда он добрался до программы передач в конце газеты, студенты встали из-за стола. Они переминались возле двери, застегивая куртки. Самый высокий встретился взглядом с Вистингом. Вистинг улыбнулся и кивком показал, что узнал его.

— Выходной день? — спросил другой студент.

— Одно из преимуществ долгих лет на службе, — ответил Вистинг. — Работа с восьми до четырех и выходные суббота и воскресенье.

— Кстати, спасибо за отличное выступление.

Вистинг поднял чашку кофе.

— Приятно слышать.

Студенты хотели сказать что-то еще, но зазвонил телефон Вистинга. Он вытащил его, увидел, что звонит дочь, и ответил.

— Привет, папа, — сказала она. — Тебе уже из газеты звонили?

— Нет, — ответил Вистинг и кивком проводил направляющуюся к выходу тройцу студентов. — А что? Что-то случилось?

Лине промолчала.

— Я сейчас в редакции, — сообщила она.

— У тебя разве не выходной?

Гончие псы

— Угу, но я тренировалась в зале, а заодно и на работу зашла.

Вистинг отпил из чашки. Он узнавал в дочери свои собственные черты. Любознательность и желание всегда быть в центре событий.

— О тебе завтра напишут в газете, — сказала Лине и сделала паузу, прежде чем продолжить: — На этот раз они идут за тобой. Они открыли на тебя охоту.

2

Лине слышала дыхание отца в трубке. Она двигала мышкой по экрану, на котором светилась готовая к публикации статья о нем. Крупный заголовок и портрет.

— Статья о деле Сесилии, — объявила она.

— Дело Сесилии? — отозвался отец.

В его голосе звучала неуверенность. Он бы предпочел никогда не вспоминать об этом деле. Одним из самых сложных и болезненных.

— Сесилия Линде, — пояснила Лине, хотя знала, что отцу не требуется напоминание. Он был тогда молодым следователем, а дело об этом убийстве стало одним из самых громких дел десятилетия.

Она услышала, как отец сглотнул, и стук поставленной на стол чашки.

— И что же? — только и сказал он.

Лине подняла взгляд от монитора. Шеф-редактор вышел из новостной редакции и направился к лестнице наверх. Было время вечерней летучки, на которой собирались последние крупницы завтрашней газеты и окончательно решалось о том, какие материалы пойдут на первую полосу. Статья, которую подготовили о ее отце, занимала две

Йорн Лиер Хорст

страницы и, очевидно, как раз для первой полосы и предназначалась. Убийство Сесилии Линде читатели хорошо помнили, и даже сейчас, семнадцать лет спустя, оно пойдет хорошо.

— Адвокат Хаглунна направил ходатайство в комиссию по пересмотру дела, — продолжила девушка, когда шеф-редактор прошел мимо.

Отец хранил молчание. Новостной шеф-редактор сложил стопку бумаг и последовал за шеф-редактором наверх. Лине просмотрела статью еще раз. Вообще-то вопросов там было больше, чем ответов, и она понимала, что этот материал, скорее всего, окажется одной из целой череды статей, и не только в ее газете.

— Над делом работал частный детектив, — продолжила она.

— А при чем тут, собственно, я? — спросил отец, однако по его голосу она поняла, что он знает, что будет дальше.

Именно отец возглавлял расследование тогда, семнадцать лет назад. Со временем он стал выдающимся полицейским. Известным человеком, на которого можно возложить ответственность и которого можно использовать для того, чтобы привлечь к этой истории внимание.

— Они считают, что улики были сфабрикованы, — объяснила Лине.

— Какого рода улики?

— ДНК. Они считают, что полиция подбросила образцы ДНК.

Она будто видела, как пальцы отца сжимают стоящую перед ним на столе кофейную чашку.

— На чем это основывается? — поинтересовался он.

— Адвокат получил новые результаты анализов и считает, что окуроч, на котором были обнаружены следы ДНК, был подброшен.

Гончие псы

— Тогда они тоже это утверждали.

— Адвокат считает, что они могут это доказать, и говорит, что документы были направлены в комиссию по пересмотру дела.

— Не понимаю, как он может хоть что-то доказать, — пробормотал отец.

— У них вдобавок новый свидетель, — продолжила Лине. — Этот человек может обеспечить Хаггунну алиби.

— Почему свидетель не объявился в тот раз?

— Он объявился, — произнесла Лине и сглотнула слюну. — Он звонил и вроде бы говорил с тобой, но это ни к чему не привело. — В трубке повисло молчание. — Сейчас у нас вечерняя летучка, — продолжила девушка. — Тебе позвонят и попросят прокомментировать. Ты должен придумать, что скажешь.

Отец молчал. Лине остановила взгляд на экране. Фотография отца занимала большую часть статьи. Они использовали пресс-фотографию с ток-шоу, гостем которого он был почти год назад. Легко узнаваемые декорации студии тонко подчеркивали то обстоятельство, что в нарушении закона обвинялся известный следователь.

На фотографии темные густые волосы Вистинга были слегка взъерошены. На лице была застывшая улыбка, морщины на лице говорили о том, что он многое повидал. Он смотрел в камеру спокойным взглядом темных глаз. В телепередаче Вистинг предстал добропорядочным и опытным полицейским, каковым он и являлся, а еще внимательным и заботливым следователем с развитым чувством справедливости. Завтра текст под фотографией заставит людей взглянуть на него иначе. Его глаза покажутся им холодными, а неподвижная улыбка — фальшивой. В силах прессы и низвергнуть, и возвысить.

Йорн Лиер Хорст

— Лине?

Она поправила трубку возле уха.

— Да?

— Это неправда. Все, что они говорят, — неправда.

— Я знаю, папа. Мне ты этого можешь не говорить, но завтра статья все равно будет напечатана.

3

Вечерняя тишина окутала помещения редакции. Кадры иностранных новостных каналов мелькали на безмолвных мониторах под аккомпанемент стука натренированных пальцев, бегающих по клавиатуре, и приглушенных разговоров по телефону.

Лине как раз собиралась выйти из своей учетной записи, когда шеф-редактор широкими шагами спустился с вечернего собрания. Его звали Йоаким Фрост, но все называли его Фростен*.

Он осмотрел комнату, прежде чем направиться к ней. Взгляд его был холодным, Фростен словно смотрел сквозь нее. Судачили, что он получил должность шеф-редактора как раз потому, что был не в состоянии разглядеть за заголовками человеческие трагедии. Иными словами, неспособность к состраданию и сделала его пригодным для этой работы.

— Извини, — сказал он, предполагая, что она уже видела статью, которую подготовили о ее отце. — Мне нужно было позвонить тебе и сообщить, но вот ты здесь.

Лине кивнула. Она понимала, что именно он придумал этот заголовок, и слишком хорошо его знала, чтобы начи-

---

* Frost и frosten — мороз, соответственно в неопределенной и определенной форме (*норв.*).

Гончие псы

нать дискуссию. Фростен был стойким стражем коммерческих интересов газеты. Для него важнее всего было выбрать материалы для первой полосы, и она не желала слушать речи о независимой и свободной прессе. Да и ему едва ли были интересны ее контраргументы. Фростен работал в газете уже почти сорок лет. В его глазах она по-прежнему была никчемным новичком.

— Это дело мы остановить не сможем, — произнес он.

Она снова кивнула.

— Ты говорила со своим отцом?

— Да.

— Что он сказал?

— Он сам даст комментарий.

Фростен кивнул.

— У него, конечно, есть право высказаться.

Лине криво улыбнулась. Groш цена опровержению обвинения, размещенного на первой полосе. К тому же спорить со статьей, над которой работала вся редакция, по телефону, прямо перед отправлением тиража в печать, — безнадежная задача.

— Послушай, Лине, — продолжал Фростен. — Я понимаю, это трудно. Для меня это тоже непросто, но это дело важнее наших переживаний. Необходимо, чтобы пресса была критически настроенным наблюдателем. Это дело всеобщего, национального значения.

Лине встала. Его аргументы лицемерно прикрывали то, что его действительно волновало: тиражи. Независимость газеты вполне можно было сохранить, не раздувая сенсацию с ее отцом в главной роли. Это дело совсем необязательно было персонифицировать. Критика с тем же успехом могла быть направлена против полиции как системы, как и государственного органа. Вот только тираж продолжался бы хуже.

Йорн Лиер Хорст

— Если тебе нужно передохнуть, возьми несколько дней отпуска, — предложил шеф-редактор. — Вернешься, когда все закончится.

— Нет, спасибо.

— Я думаю, это дело может принять по-настоящему дурной оборот, если им займется кто-то другой, а не мы.

Лине отвернулась. От мысли о лице отца на первой полосе завтрашней газеты ей стало нехорошо.

— Вот только этого не надо, — попросила она.

— Лине!

Ее окликнул новостной шеф-редактор. Он стоял рядом с одной из репортеров вечерней смены; вырвал из ее блокнота листок и подбежал к ним.

— Я знаю, что у тебя выходной и это совсем не вовремя, но не могла бы ты прямо сейчас кое-куда выдвинуться?

Лине не успела собраться с мыслями и автоматически спросила: куда?

— Убийство в Старом городе во Фредрикстаде. Мы еще не получили подтверждения от полиции — нам сообщил человек, стоящий у самого окровавленного тела.

Лине почувствовала, как потенциальная новость наполняет ее энергией и в то же время лишает сил. Она любила работать именно над такими делами. Была в этом хороша. Умела находить источники, натренировалась добывать и анализировать сведения, знала, что можно использовать, а на что полагаться нельзя.

На лице Фростена появилась широкая ухмылка.

— Он звонил нам с места преступления?

— Сначала в полицию, потом нам.

— Неверная последовательность, ну да ладно. Кто добудет фотографии?

— Через десять минут там будет фотограф-фрилансер, нужен репортер.

Гончие псы

Йоаким Фрост повернулся к Лине.

— Раз ты не собираешься принять предложение насчет пары выходных дней, думаю, тебе стоит поспешить на место преступления, — произнес он и быстрыми шагами направился в помещение главной редакции.

Лине смотрела на его спину, понимая, что и ему, и всем остальным было бы гораздо лучше, если бы она провела следующие несколько дней в Эстфолле вместо того, чтобы торчать на работе.

Новостной шеф-редактор протянул ей листок с именем и номером телефона звонившего.

— Там может быть что-то интересное, — сказал он и тихо добавил: — Мы будем верстать первую полосу часа через четыре, не раньше.

4

Журналист позвонил без нескольких минут десять. Вистинг не разобрал его имени, понял лишь, что звонят из газеты «Верденс Ганг».

— Мы завтра пишем о деле Сесилии, — начал он. — Адвокат Сигурд Хенден направил ходатайство в комиссию по пересмотру дела.

— И что же?

— Мы хотим получить ваш комментарий по поводу того, что вас обвиняют в фальсификации улики, на основании которых был осужден Рудольф Хаглунн.

Вистинг кашлянул и ровным голосом спросил:

— Как, говорите, вас зовут?

Журналист медлил, и Вистингу показалось, что тот специально так неразборчиво представился.

— Эскиль Берг.